Хлопов О.А.

Проблемы безопасности и военно-политические отношения между США и КНР в Тихоокеанском регионе*Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-07-2019-27

idsr: lj-07-2019-27

Аннотация

Вопросы национальной безопасности между Китаем и США в значительной степени обусловлены обеспокоенностью обеих стран в отношении своих региональных стратегий, проводимых в Тихоокеанском регионе. США обеспокоены последствиями региональной экономической дипломатией Китая, в то время как КНР рассматривают стратегию США в отношении Китая как политику направленную на сдерживание Китая. Эти вопросы получают новую динамику в рамках инициативы «Один пояс и один путь» и стратегией администрации Д.Трампа в Индо-Тихоокеанском и регионе. Тем не менее, США и КНР сталкиваются с серьезными препятствиями в достижении своих региональных амбиций, и пониманием того, что ни одна сторона не сможет устранить ключевые стратегические преимущества другой. Таким образом, взаимные ограничения дают некоторую надежду на возможность поддержания стратегической стабильности в АТР.

Ключевые слова: военная стратегия, военное сотрудничество, министерство обороны, безопасность, КНР, США, АТР.

Abstract:

National security issues between China and the United States are largely due to the concerns of both countries regarding their regional strategies in the Pacific region. The US is concerned about the consequences of China's regional economic diplomacy, while China views the US strategy in the region as a policy aimed to deter China. These issues receive a new dynamic in the framework of the "Belt and Road Initiative" and the strategy of D. Trump administration in the Indo-Pacific region. However, the United States and the PRC are facing serious obstacles on the way to achieve their regional ambitions, and the understanding that neither side can eliminate the key strategic advantages of the other. Thus, mutual restrictions give some hope for the possibility of maintaining strategic stability in the Pacific region.

Keywords: military strategy, military cooperation, Ministry of Defense, security, China, USA, Indo-Pacific region

Эволюция американо-китайских военных отношений, начавшейся в начале 1970-х гг., прошла сложный путь - от момента, когда две страны объединились, чтобы противостоять общей угрозе, до трудных, кризисных событий в 1990-х гг. и в первом десятилетии XXI в.

В статье обсуждаются некоторые из основных проблем в области безопасности, между Соединенными Штатами и Китаем, в том числе проблема Тайваня, расхождение интересов в Южно-Китайском море, военные события и соотношения сил в регионе, конкуренция в новых стратегических областях и более глубокая геостратегическая конкуренция.

В условиях торговой войны, жесткой технологической конкуренции, опасных столкновений военных кораблей в Южно-Китайском море и экономических проблем в двухсторонних отношениях китайское и американское внешнеполитические политики и эксперты обсуждают будущее отношений между двумя странами.

С тех пор, как Д. Трамп вступил в должность в 2017 г., политика его администрации по отношению к Китаю резко отклонилась от курса предыдущих

административных, который обычно включали в себя одновременно взаимодействие и конкуренцию с Китаем. Администрация Д.Трампа обнародовала свою Стратегию национальной безопасности в декабре 2017 г., после чего были опубликованы документы Министерства обороны США, такие как Стратегия национальной обороны, Обзор ядерной политики и Обзор противоракетной обороны. Все они назвали Китай «стратегическим конкурентом», ревизионистской державой» и «угрозой... безопасности и процветанию США» [1].

Наиболее известные обвинения против Китая со стороны США связаны с его вооруженными силами. Инициатива КНР по модернизации своей обороны была воспринята США как стремление к «региональной гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе в будущем» [2] и «вытеснить Соединенные Штаты... и переориентировать регион в своих интересах» [3].

Китайские ракеты были охарактеризованы как поддержка «принудительных угроз и усилий по противодействию военному потенциалу США в Индо-Тихоокеанском регионе» [3], а военный потенциал, по оценкам американских экспертов, был «разработан для того, чтобы лишить Америку доступа во время кризиса и оспаривать ее способность свободно действовать в критических коммерческих зонах в мирное время» [4]. Признавая, что Китай не изменил свою ядерную политику относительно того, чтобы «не использовать ядерное оружие первым», «Обзор ядерной политики» США предупреждает, что «масштабы его программы ядерной модернизации поднимают вопросы относительно его будущих намерений» [5].

Подозрение и враждебные оценки действий китайских военных приводят к предположениям о перспективе будущей «холодной войны» между США и КНР и попадания в «ловушку Фукидида» [6], термин которой ввел в международно-политический анализ американский профессор Грехам Аллисон» для описания политической ситуации, в которой поводом к войне служит страх могущественной державой перед увеличивающейся мощью своего соперника.

В международно-политической науке такая ситуация называется «дилемма безопасности» - усиление силы и мощи одного государства, вызывает беспокойства у другого, т.к. это приводит к его уменьшению мощи и силы. Фукидид в «Истории Пелопоннесской войны» писал: «Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать» [7].

Американо-китайские связи начали восстанавливаться и развиваться в начале 1970-х гг. В 1971 г. года состоялись поездки советника президента США по национальной безопасности Г. Киссинджера в КНР. В феврале 1972 г. состоялся визит президента США Р. Никсона в КНР в ходе которого он встретился с председателем КНР Мао. Даже прежде чем были установлены официальные дипломатические отношения в 1979 г., правительственные чиновники США, делегации Конгресса и военные побывали в Китае. Представители оборонной промышленности и технических институтов начали консультировать правительство Китая и НОАК. США призвали своих союзников по НАТО продавать вооружения НОАК и облегчило экспорт военной техники для оснащения истребителей китайского производства.

Также были созданы механизмы обмена разведывательной информацией. Во время своего визита в Китай в ноябре 1973 г. Генри Киссинджер, предложил предоставить Китаю информацию о пусках советских ракет и создать прямую линию связи для передачи информации.

Г.Киссинджер выразил желание оказывать помощь Китаю в создании системы командования и управления для боевых действий, связывающих все ракетные базы с командным центром в Пекине. Кроме того, две страны начали сотрудничать в борьбе против СССР. Проводились военные морские учения в прилегающих районах, чтобы сдерживать СССР и Индию от дальнейших действий. Однако, в то время, США также

обеспечили оружием Тайвань, и разместили там свои войска, что стало барьером на пути более значительного и широкого военного сотрудничества американо-китайского сотрудничества.

Установления дипломатических отношений в 1979 г. расчистили путь для более активных военных контактов, и Советское вторжение в Афганистан стало дополнительным стимулом для обеих стран укреплять свои военные связи. Оба правительства придавали приоритетное значение военному сотрудничеству. В январе 1980 г. Гарольд Браун стал первым в истории министр обороны США, посетивший Китайскую Народную Республику. Он установил связь на трех уровнях: 1) стратегический диалог; 2) взаимные обмены в различных функциональных областях; 3) продажа оружия.

В сентябре 1983 г., министр обороны США Каспар Вайнберг возглавил делегацию из 140 человек в Китай. 1980-е гг. состоялись девять визитов высокого уровня китайской военной делегации в США и 15 американских военных делегации в Китай. Они помогли построить доверие и создать атмосферу для институционального и функционального обмена - взаимные визиты в военные учебные заведения, наблюдение за военными учениями, обмен оперативными доктринами и концепциями, заходы в порт, и экскурсии на военные объекты.

Конгресс США принял законы о снятии ограничений на экспорт вооружений в Китай, предоставить Китаю статус партнера вне НАТО. Между 1985 и 1987 гг. обе стороны согласовали четырех правительственные программы военных продаж: модернизация производства артиллерийских боеприпасов, военных услуг; модернизации военной техники.

В течение почти двух десятилетий военные отношения были плодотворными и значимыми для обеих стран. Соединенные Штаты перестали воспринимать Китай как врага в результате пересмотра своей стратегии и оценки Национально-освободительной армия Китая (НОАК) как отсталой и не угрожающей интересам США. Генри Киссинджер сообщил китайским лидерам, что «президент Никсон убежден в том, что сильная и развивающаяся Китайская Народная Республика не представляет угрозы для каких-либо существенных интересов США» [8].

Призывая Китай к сотрудничеству, Генри Киссинджер даже заверил китайских руководителей: «мы решили, что если бы на вас напал Советский Союз..., мы поддержим вас и при необходимости предпримем военные меры, чтобы предотвратить это нападение» [9].

Десятилетие военно-политического сотрудничества внезапно прекратилось из-за потрясений 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. США прекратили все военные обмены, отменили соглашения о продаже оружия и технологическом сотрудничестве и наложили эмбарго на поставки технологий и оружия Китаю. Однако именно последующий роспуск Организации Варшавского договора и распад Советского Союза коренным образом изменили международный контекст, устранили общего врага и пошатнули фундамент американо-китайского военного сотрудничества.

Однако по сравнению с региональными государствами-изгоями, распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), глобальным терроризмом и возрождением России как равного противника «угроза Китая» имела более низкий приоритет для США.

Непрерывное развитие Китая, устойчивый социальный и экономический прогресс, приверженность мирному росту, отказ от гегемонистских устремлений и вклад в региональный и глобальный экономический рост создали новую основу для возобновления китайско-американских отношений. Для Китая это означало стать частью международной системы, которая была построена и возглавлялась Соединенными Штатами после окончания Второй мировой войны, и трансформироваться в крупного мирового актора. Для Соединенных Штатов это

означает вовлечение Китая и формирование его эволюции таким образом, чтобы это служило интересам Америки, при этом страхуясь от превращения Китая в равного военно-стратегического противника.

В 1992 г. администрация Дж. Буша продала 150 истребителей F-16 Тайваню, сделка на \$6 млрд, которая превысила сумму всех продаж оружия Тайваню в 1980-х гг. В октябре 1994 г. американский авианосец «Китти Хок» заметил китайскую подводную лодку в Желтом море и противолодочный самолет США стал преследовать ее. ВВС НОАК направили свои истребители. Это событие предвещало серьезный конфликт, однако к тому времени оба правительства уже взяли курс на восстановление военно-торгового сотрудничества.

В 1995 г., когда администрация Б.Клинтона разрешила тайваньскому лидеру Ли Дэньхуэй посетить США. Китай в ответ приостановил военные обмены, произвел испытательные запуски ракет через Тайваньский пролив в 1995 и 1996 гг. В результате бомбардировки США посольства Китая в Белграде во время войны в Косово в мае 1999 гг. и столкновения в воздухе китайского истребителя с американским самолетом-шпионом EP-3 над Южно-Китайским морем в апреле 2001 г. привели к кризису двухсторонних отношений. В ответ на продажу оружия Тайваню 2008, 2010 и 2011 гг. Китай приостановил военные обмены.

В 1990-х и 2000-х гг., когда между США и КНР объем торговли увеличился, инвестиции быстро росли, и обмены между людьми расширялись военные связи и контакты сократились.

Начиная со второго десятилетия XXI в. улучшение военных связей стало частой темой на встречах на высшем уровне. Во время неофициальной встречи в Саннилендс в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин предложил президенту Б.Обаме установить новый тип военных отношений. На всех саммитах между президентом Си и президентом Трампом подчеркивалась важность стабильных военных связей.

Два военных ведомства, стремясь реализовать желания своих лидеров, работали над стабилизацией своих отношений тремя путями.

Во-первых, военные обеих стран пытались улучшить механизмы для диалога. За прошедшие годы две военные США и КНР установили диалоги на национальном уровне:

- диалог о стратегической безопасности, который в 2017 г. был переведен на дипломатический диалог;
- диалог по вопросам безопасности; уровень обороны, включая переговоры по консультациям в области обороны;
- диалог по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе;
- переговоры по координации оборонной политики, уровень обслуживания, включая Соглашение о военно-морских консультациях и диалог между двумя армиями; и совместный уровень персонала.

Эти диалоги были институционализированы и упорядочены для установления стратегического доверия и улучшения оперативного понимания.

Во-вторых, сформировались механизмы постоянных обменов и сотрудничества. Отношения показывают вновь обретенную устойчивость к инцидентам и кризисам. В 2018 г., несмотря на провокационные операции "Свобода судоходства" в Южно-Китайском море и отстранение Пентагоном ВМС Народной Освободительной Армии от многосторонних учений министр обороны США Дж. Маттис и министр обороны Китая Вэй Фэнхэ обменялись официальными визитами.

В-третьих, созданы механизмы антикризисного управления. Два ведомства согласились принять превентивные меры, подписав два Меморандума о взаимопонимании в конце 2014 г. и согласившись применять Кодекс незапланированных столкновений на море. Во время встречи в Вашингтоне в 2018 г.

министры обороны США и КНР договорились проработать концепцию кризисной коммуникации и разрешения конфликтов.

В отличие от отношений между двумя странами в других областях, где существует взаимозависимость и взаимодействие, военные связи не имеют приоритета, что делает их менее значимыми, и, таким образом, является политическим инструментом для выражения воинствующей риторики возможных сценариев военных конфликтов по отношению друг к другу. Относительно стабильные отношения стали не только желательными, но и необходимыми из-за растущих рисков обострения кризиса.

В основе напряженности и нестабильности в китайско-американских военных связях лежат конфликтующие интересы на Тайване, безопасность на море, положение региональных сил, оборонные отношения и роль Китая в архитектуре региональной безопасности, а также конкуренция в новых стратегических сферах и геостратегическая конкуренция.

Тайвань оказался самым значительным и постоянным из всех вопросов в области военной безопасности. Китай недвусмысленно определил Тайвань как основной интерес, а его воссоединение с материком - непримиримая национальная цель. В марте 2005 г. Национальный народный конгресс Китая принял Закон о борьбе с сепсией, объявив, что Китай оставляет за собой право применять силу в случае независимости Тайваня.

В дополнение к Закону об отношениях с Тайванем 1979 г. Конгресс США принял Закон о путешествиях на Тайване в марте 2018 г., поощряя официальные визиты в и из Тайваня. Другой акт - Закон о государственной обороне на 2018 финансовый год увеличил объемы продажи оружия Тайваню для повышения его военного потенциала, совместных военных учений, взаимных визитов в порты военных кораблей.

Конфликт вокруг Тайваня вряд ли можно исключить. Это добавляет характер с нулевой суммой к китайско-американским военным отношениям.

Второй вопрос касается *безопасности на море, особенно в Южно-Китайском море*. В Южно-Китайском море существуют две категории споров. Один из них - это территория и права на море между шестью прибрежными государствами Южно-Китайского моря и Тайванем. С конца 2016 г. стороны вели переговоры по двусторонним и многосторонним каналам, чтобы уменьшить напряженность и переориентироваться с территориальными спорами на сотрудничество по вопросам рыболовства, охраны окружающей среды и разведки ресурсов.

Другая категория споров связана с американскими операциями по охране свободы судоходства, а также морской и воздушной разведкой и наблюдением за Китаем в Южно-Китайском море. Китай и другие оспариваемые прибрежные государства приняли все национальные законы в соответствии с их толкованием Конвенции ООН по морскому праву. Более десяти лет китайские военно-морские и правоохранительные суда противостояли военным кораблям США, выполняющие операции по контролю за судоходством в Южно-Китайском море. Встречи на море иногда превращались в очень опасные столкновения.

Китай рассматривает это как четкое указание на то, что США проводят операции по подготовке к боевым действиям для возможного вооруженного конфликта или даже войны с Китаем.

Аналитики в области обороны в США все больше встревожены модернизацией НОАК, которая, по их мнению, меняет баланс сил в Восточной Азии и подрывает военное господство США. Обеспокоенность включает рост оборонного бюджета, агрессивного поведения военно-морских сил в Восточном и Южно-Китайском морях, рекультивацию островов, милитаризацию Южно-Китайского моря, приобретение военных баз за рубежом, способности «вытеснить Соединенные Штаты Америки из западной части Тихого океана и... не допустить, чтобы они пришли на помощь

союзникам» [10]. Прогресс в области киберпространства, космического пространства, искусственного интеллекта и возможностей гиперзвукового удара интерпретируются как стремление к прорывным технологическим прорывам, чтобы компенсировать военные преимущества США.

С другой стороны, китайские оборонные аналитики встревожены военным положением США в Восточной Азии, развертыванием систем противоракетной обороны в Японии и Республике Корея, размещением стратегических активов на периферии Китая в целом и вблизи Корейского полуострова. совместных военных учений в морях Южного и Восточного Китая, крупными продажами оружия соседним странам и изменениями в политике в отношении применением США своего ядерного оружия [11].

Архитектура безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе основывалась на двусторонних военных альянсах под руководством США, созданных во время холодной войны и дополненных оборонными партнерствами. Китай был страной-мишенью этих альянсов (хотя и не такой мишенью, как Советский Союз), а вражда к Китаю пережила «холодную войну» и усилилась в новом тысячелетии. Чтобы укрепить свои альянсы и расширить свои оборонные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Соединенные Штаты установил оборонные военно-партнерские отношения со странами вокруг Китая.

Китай в свою очередь, не создавая формальных альянсов, установил оборонные и военные отношения со многими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай сотрудничает с военными в многосторонних рамках безопасности, включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Региональный форум АСЕАН Сопровождение министров обороны стран (АСЕАН +) и другие. Однако по сравнению с альянсами, возглавляемыми США, оборонные связи Китая с другими странами менее институционализированы.

Чувствуя себя исключенным из доминирующей в США архитектуры безопасности и военной политики и осознавая, что это является причиной создания альянсов и партнерств, Китай занял более жесткую позицию в отношении военных альянсов и оборонных партнерств, сформированных Соединенными Штатами. «Поворот к Азии» президента Б.Обамы и «Индо-тихоокеанская стратегия» президента Д.Трампа рассматриваются как попытки сдержать и ограничить военные возможности Китая в рамках первой цепочки островов. Китай яростно выступает против развертывания терминальных систем защиты высокогорных районов в Республике Корея из-за их потенциала по снижению своего стратегического сдерживания против Соединенных Штатов. Китай возражает против пересмотра оборонных документов, подчеркивающих угрозу со стороны Китая, и опасается, что США установят оборонные партнерства со своими соседями, с которыми у него есть территориальные споры.

С другой стороны, американцы обеспокоены растущей военной координацией между Китаем и Россией и характером ШОС, членом которой Соединенные Штаты не являются. Китай и США являются ведущими новаторами в новых технологиях и инновационных исследователей в военных целях. Китай добился значительного прогресса, сокращение разрыва между США в ряде ключевых областей. Конкуренция в области технологий и их военное применение, как ожидается, будет продолжаться.

Китай и США имеют как общие, так и конфликтующие интересы в стратегически важных областях таких, как киберпространство и в космос, что приводит к конкуренции и конфликта, а также возможности для диалога и сотрудничества. США обладают огромным преимуществом в киберпространства и возможностями, которыми они намерен поддерживать в будущем. Китай рассматривается Пентагоном как «сегодняшнюю угрозу» для противодействия США [12].

Помимо многих спорных вопросов, Китай и США имеют общие интересы в области безопасности, включая денуклеаризацию Корейского полуострова. Как государства, обладающие ядерным оружием, члены Совета Безопасности ООН, которые являются участниками Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и основных заинтересованных сторон в мире и стабильности на Корейском полуострове, Китай и США имеют общую цель в денуклеаризации Северной Кореи. США обеспокоены сообщениями о возможности ядерного удара Северной Кореи. Китай выражает обеспокоенность по поводу безопасности и сохранности ядерных исследований, а также разработки и ядерных испытаний КНДР. США и КНР предпочитают использовать дипломатического процесса для достижения денуклеаризации полуострова. Таким образом, Китай и США имеют стимул к сотрудничеству, особенно сейчас, пока "окно возможностей" остается открытым. Китай поддерживает все дипломатические усилия всех заинтересованных сторон и готов оказать любую помощь, чтобы облегчить переговоры. Если потребуются, Китай готов сыграть свою роль в обеспечении уверенности и экономической помощи и поддержки проверки в процессе денуклеаризации.

Другой общей проблемой является глобальный терроризм. Между Китаем и США созданы механизм консультаций и диалогов для институционализации сотрудничества в борьбе с терроризмом. Китай и США имеют общие опасения относительно нетрадиционных угроз безопасности. Обе страны провели совместные учения по борьбе с пиратами в Аденском заливе и провели операции по оказанию гуманитарной помощи и оказанию помощи при бедствиях. Сотрудничество на уровне войск, хотя оно и невелико по объему и ограничено по содержанию, имеет жизненно важное значение для укрепления доверия с самого начала.

Таким образом, несмотря на общие интересы в области безопасности нет никаких сомнений в том, что стратегическая конкуренция между Вашингтоном и Пекином усиливается, в которой ключевую роль играет дилемма безопасности. Обе страны полагают, что их региональные стратегии обеспечивают положительные результаты для региональной безопасности. Китай и Соединенные Штаты стремятся осваивать новые рынки и задействовать огромный экономический потенциал региона. Результатом стал непрерывный процесс стратегической корректировки, поскольку оба государства стремятся сохранить свои собственные интересы на фоне понимаемых угроз, исходящих от другого. Тем не менее, интенсивность возникающей стратегической конкуренции может быть уменьшена благодаря пониманию, что региональное доминирование в нынешних условиях является миражом: гегемония маловероятна как из-за внутренних ограничений, так и из-за проблем, стоящих перед КНР и США.

В тоже время экономическая взаимозависимость и сотрудничество по таким важным глобальным вопросам, как изменение климата и нераспространение ядерного оружия, могут иметь стабилизирующие последствия,

Однако намерения и сомнения обеих сторон в необходимости и возможности перехитрить другую будут сохраняться. Хотя некоторые анализы могут переоценивать способность другой стороны осуществлять свою стратегию, опытные наблюдатели в обеих странах высказывают сбалансированные взгляды относительно способностей сторон достичь чего-либо, приближающегося к региональной гегемонии.

Осознание собственных ограничений также может уменьшить склонность к соперничеству. Это в какой-то степени подтверждается признанием в США того факта, что прямая конкуренция с проектом «Один пояс и один путь» бесполезна, а в китайских аргументах о том, что военно-партнерские союзы США могут остаться в АТР и Индо-тихоокеанском регионе надолго.

Следует также ожидать, что военные силы обоих государств будут продолжать действовать в непосредственной близости в таких местах, как Южно-Китайское море и

Тайваньский пролив, и должностные лица, вероятно, будет разработать механизмы, которые могут быть использованы для ослабления напряженности в случае возникновения чрезвычайных событий.

Американским и китайским чиновникам вынуждены будут решать проблему растущей стратегической конкуренции, происходящей в Индо-Тихоокеанском регионе. Обе стороны могут предотвратить кризис, переориентироваться с двусторонней конкуренции на многостороннее сотрудничество и создать архитектуру безопасности, в которой два крупнейших военных в мире могут работать вместе с целью поддержания региональной стабильности.

1. National Security Strategy [Электронный ресурс] // The White House 08.12.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf>. (дата обращения 09.08.2019).
2. National Defense Strategy. 2018. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. [Электронный ресурс] // DOD 2018: URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения 15.08.2019).
3. Missile Defense Review. [Электронный ресурс] // Department of Defense 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>. (дата обращения 14.08.2019).
4. National Security Strategy. [Электронный ресурс] // The White House 08.12.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf>. (дата обращения 14.08.2019).
5. Nuclear Posture Review. [Электронный ресурс] // Department of Defense Feb 02, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения 11.08.2019).
6. Allison Gr. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides' Trap? Boston-New York: Houghton Mifflin Harcourt. 2017
7. Фукидид. История Пелопоннесской войны. 1:23. - Электронный ресурс] // Электронная библиотека Lebre Book. URL: https://librebook.me/history_of_the_peloponnesian_war/vol1/1 (дата обращения 10.08.2019).
8. Memorandum of Conversation. 1971. [Электронный ресурс] // In Historical Documents: Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Volume XVII, China, 1969–1972, 363–364. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d139>. (дата обращения 15.08.2019).
9. Memorandum of Conversation. 1972. [Электронный ресурс] // In Historical Documents: Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Volume XVII, China, 1969–1972, 916–917. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d231>.
10. Pence M. 2018. Remarks on the Administration's Policy Toward China. [Электронный ресурс] // Washington D.C.: Hudson Institute. (дата обращения 05.08.2019). URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/> (дата обращения 10.08.2019).
11. Nuclear Posture Review. [Электронный ресурс] // Department of Defense 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>. (дата обращения 08.08.2019).
12. Shanahan P. M. Next Big War May Be Won or Lost in Space. Speech delivered at 35th Space Symposium, Colorado Springs, Colorado. // Department of Defense 2017 URL: <https://dod.defense.gov/News/Article/Article/1810100/shanahan-next-big-war-may-be-won-or-lost-in-space/> (дата обращения 15.08.2019).